

классику скрестили с попсой

итоги Собиновского фестиваля

ГЮЛЯРА САДЫХ-ЗАДЕ

В Саратове завершился XVII Собиновский музыкальный фестиваль. В меню культурного мероприятия вошли: конкурс вокалистов, оперные и балетные спектакли из репертуара Саратовского театра оперы и балета, выступления приглашенных солистов, ораториальный вечер, семинар молодых оперных критиков и два гала-концерта. Дополнили программу выступление Елены Камбуровой и гастролы труппы contemporary dance «Провинциальные танцы» из Екатеринбурга.

Оригинальную «всеядную» концепцию фестиваля разработал и последовательно внедрил худрук Саратовской оперы дирижер Юрий Кочнев. Тридцать лет минуло с той поры, как дирижер, окончив Ленинградскую консерваторию, пришел в театр, и большую часть этого срока он занимался строительством крупнейшего на Волге фестиваля. Вначале центральная идея была связана с именем Собинова, затем фестиваль расширился за счет смежных жанров: теперь его программа немыслима без монументальных ораториальных сочинений. За прошедшие годы в оперном театре звучали Те Деум и Реквием Берлиоза, «Сотворение мира» Гайдна и даже минималистская симфония Филиппа Гласса. В этом году в связи с юбилеем Дворжак был освоен его Реквием.

Подбор редко звучащих сочинений отнюдь не случаен: в маэстро Кочневе чрезвычайно сильно просветительская жилка. Из года в год он последовательно «присаживает» на консервативную культурную почву старинного купеческого города радикальную режиссуру, знакомит публику с театральными экспериментами российской провинции. Привозит камерные труппы из Екатеринбурга: чудесный «Поворот винта» Бриттена в постановке Ильи Можайского, «Провинциальные танцы» Татьяны Багановой. Три сезона кряду в театре работал режиссер Дмитрий Белов, поставивший в Саратове «Евгения Онегина», «Риголетто» и «Вольного стрелка» Вебера. Эпатажные спектакли ошарашивали степенных саратовчан. Им перенос действия «Онегина» в чеховское время или страшный Каспер на вращающемся мотоцикле казались верхом дерзости. Впрочем, спектакли в театре не прижились.

Тогда театр резко сменил направление и пригласил на постановку московского режиссера Андрея Сергеева, более традиционного по духу, стилю и мироощущению. За два года он поставил в Саратове «Русалку» Даргомыжского и «Тоску» Пуччини. Вполне традиционная «Русалка» вышла уморительно ходунной: эдакий лубок с уклоном в русскую народную сказку. «Тоска», решенная в полном соответствии с архетипическими представлениями об этой опере, тем не менее, и по актерским работам, и по тону режиссерского высказывания получилась необычайно свежей и искренней. В «Русалке» солист Большого театра тенор Анатолий Зайченко (в партии Князя) вполне грамотно и звучно «отоварил» партию, но облик его и повадка были стопроцентно опереточными. Выспренность жеста, серьга в ухе, свисающая до плеча, и общее выражение счастливого самодовольствования на лице рождали комический эффект убойной силы. Оттого в трагизм оперной ситуации (Наташа как-никак утопилась) никто особенно не вникал — зал открыто потешался. Не спасла положение и партнерша тенора Мария Ковалевская (Наташа). Голос порой давал сбои, сценическое поведение казалось суетливым, в общем, сострадания ее героиня не вызывала. Пожалуй, лишь Михаил Гужов — Мельник — выглядел органично и просто, без пережима и воображаемых котурнов высокой трагедии.

Третье оперное название на фестивале — «Травиата» Верди. Старый, 1993 года, спектакль питерца Давида Косаковского слегка обтрепался от долгого употребления и изрядно запылся. Допотопные рюшечки на пышных дамских кринолинах; хор, замерший от напряжения; тюлевые занавески, в которых беспрестанно путаются вальсирующие пары; не идущий к делу задник, изображающий заснеженный сад. Режиссер, видно, работал по схе-

Одним из главных героев фестиваля стал, как обычно, худрук Саратовского оперного театра Юрий Кочнев

ме «зима в природе отражает зиму в душе героя». Скрашивали недостатки спектакля два обстоятельства: весьма энергичная и гибкая интерпретация китайского дирижера Дзень Сяолинь из города Семьнь (этой женщине минуло уж семьдесят пять лет, но силы и огня ей было не занимать) и пение одаренной певицы из Еревана Арцвик Демурчян, выступившей в роли Виолетты.

Конкурс конкурсов — особенный сюжет внутри фестивальной программы. Обязательное условие: каждый из двенадцати участников должен быть лауреатом какого-нибудь вокального конкурса. В этом году первое место безоговорочно и при всеобщем одобрении занял Сергей Гордеев из Омска. Вальжанный сибиряк потрясюще выразительно, несмотря на флегматичную внешность, спел арию Грязного из «Царской невесты» и моментально выиграл в лидеры. Второе место отдали Анне Викторовой, меццо из Москвы, далеко не безукоризненно и как-то вяло спевшей арию Ратмира из «Руслана и Людмилы». Правда, винить певицу не в чем: аккомпанемент оркестра, ведомого дирижером Игорем Семеновым, был вопиюще беспомощен и беспрестанно сбивал певицу.

Именно на конкурсе обнажились неистребимые проблемы саратовского оперного оркестра. Сидят в нем в основном люди глубоко пенсионного возраста, а инструменты издают такой невыносимо жестяной звук, что рождают воспоминания об изделиях давно почившего в бозе «Музтреста». Скрипки катастрофически-криминально фальшивят, а все струнные звучат вразнобой. «Деревяшки» играют что-то несусветное, знаменитый английский рожок в арии Ратмира спотыкается, заикается и теряет нить. Когда невпопад, на три такта раньше, вступила валторна, исполнение было окончательно угроблено. Правда, когда за пульт встал дирижер театра Медет Тургумбаев, оркестр обрел какую-то слаженность и ритмическую внятность. Так что конкурсантам, которые выступали с Медетом, повезло, в том числе и лауреату третьей премии москвичу Феликсу Кудрявцеву.